

Чечко Т.Н. (Мозырь, Беларусь)

МЕНТАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ: НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дисциплины филологического цикла в стенах педагогического университета являются важнейшим средством воспитания через предмет [1]. Использование взаимосвязей между ними позволяет углубить понимание многих языковых и литературных явлений, которые зачастую предстают в сознании студентов в разорванном виде и не всегда укладываются в целостные представления, в данном случае связанные с ментальностью восточнославянской женщины.

«Ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, корнящееся в категориях и формах родного языка»; это мирозерцание, «соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [2, с. 148, 81].

На характер поведения и речемышления восточнославянской женщины, запечатленных в средневековых текстах, прямое воздействие оказывают принципы народной этики и эстетики, какими они сформировались в фольклоре. И, прежде всего, *принцип обобщающей идеализации*. Восточнославянские женщины – обладательницы особого дара речи, полной поэзии, остроумия, загадок, неуловимых намеков. Их язык отличается высокой духовностью, передаёт идеальные устремления, милосердие и скромность, душевную щедрость. В легендах, былинах, сказках, песнях, других фольклорных жанрах *«всякое дело, мысль или слово... окрашены нравственным идеалом. Нет ничего, что не сопрягалось бы с моральным в поведении и мыслях человека... В оценке действия присутствует критерий «хорошо» – «плохо», а в оценке его результата критерий «красиво» – «некрасиво» [2, с. 123].*

В «Житии Евфросиньи Полоцкой» (в миру Предславы) все действия главной героини окрашиваются в морально-этические тона. Посвятив свою жизнь делам благочестия, ютясь в келии Полоцкого монастыря, она переводит и переписывает

священные книги для приходов, организует два монастыря – женский и мужской. Божественные силы дарят ей вещие сны, видения. Её нравственная стойкость, скромность и подвижничество получают достойную оценку: «*Праведнии бо по смерти живи суть*» [3, с. 111].

В одном из сюжетов «Повести временных лет» красивой и загадочной речью пленяет князя Игоря, перевозя его в лодке, вещая и мудрая Ольга. Она не только преподносит достойный урок убийцам своего мужа, но и «*переключивает*» (оказывается хитроумнее) самого византийского императора. Своим государственным умом она – задолго до восхождения на киевский престол князя Владимира, внука своего, понимает – без веры в единого Бога невозможны единство славянских племен и единое общеславянское государство; вера греков открывает русичам пути к европейской культуре.

С иным типом повествования – не сюжетным, эпическим, а лирическим, мы имеем дело в плаче Ярославны из «Слова о полку Игореве». Ярославна – подлинно песенная героиня. Она готова полететь чайкой хоть в ад, лишь бы только спасти Игоря. Сам тип такой женщины требовал адекватной песенно-лирической формы воплощения с её уплотнённой словом, повышенной эмоциональной окраской, сжатостью и энергией. Мы оказываемся словно в эпицентре переживаний, нежных, трогательных чувств женщины, теряющей своего близкого. Она не остается наедине со своим горем, а выходит на Путивльский вал, трижды обращается к силам природы: с упреками за поражение мужа – к солнцу и ветру, за помощью – к Днепру.

*О вѣтрѣ, вѣтрило!
Чему, господине, насильно вѣеши?
Чему мычеши хиновскыя стрѣлки
На свою нетрудную крилицю
На моя лады вои?*

К Днепру-Славутичу она обращается как к могущественной стихии:

*Възльльй, господине, мою ладу къ мнѣ,
А быхъ не слала къ нему слезъ на море рано,
На море рано!* [4, с. 94–96].

И природа откликается на её призыв, помогает бежать Игорю из плена. Автор плача обходится без «авторских метафор», использует типично народные обороты речи.

Поставленная перед выбором – любимый муж или власть, почести и богатство – рязанская крестьянка Феврония, ставшая женой муромского князя Петра (из «Повести о Петре и Февронии»), без колебания выбирает мужа. И когда приходит пора, умирает вместе с ним, в один день и час. Остроумно и находчиво отводит она предъявляемые ей неисполнимые требования такими же неисполнимыми встречными требованиями. Своей иносказательной, загадочной речью, «*странными глаголами*» она озадачивает, ставит в тупик своего гостя – посланца князя Петра («*сега не вем, что глаголеши... ни единого слова от тебе разумех!*»). Устная народная поэзия входит в её речь через загадки – особую опосредованную форму выявления характера этой «мудрой девы».

Хотя в созданном через столетие «Житии протопопа Аввакума» ещё встречаются приемы «канонического письма», однако житийная биография здесь всё больше превращается в автобиографию, то лирическую, то насыщенную острым драматизмом. Обобщающую идеализацию всё сильнее оттесняет типизирующий способ – с его конкретностью, реалистичностью, психологической достоверностью. Создавая образ спутницы своей жизни Марковны, автор «Жития» не идёт по пути «*очищения жизненного образа от всего, что не соответствует его идее*» и «*добавления всего, что требуется для полного соответствия идеалу*» [5, с. 24]. Привычный агиографический канон в изображении этой женщины отсутствует. Прежде всего, это верная супруга

и заботливая мать, демонстрирующая удивительные человеческие качества родственной сердечной привязанности к своему мужу и детям. В знаменитой сцене жизненная достоверность характеров и обстоятельств достигает наивысшей для средневековой литературы степени: *«Протопоица бедная бредет-бредёт, да и повалится, – кользко гораздо! Я пришёл, – на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино ещё побредем. Аз тя и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже бог изволит, живём вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силён Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович, – обличай блудню еретическую!»* [6, с. 352–365].

Таким образом, отличаясь – в пределах национального типа – характерами, все женщины, о которых речь шла выше, являются воплощением благочестия, силы, красоты и бессмертия все преодолевающей женской любви.

Изучение филологических дисциплин в педагогическом вузе не может и не должно быть самоцельным. Его необходимо подчинить – начиная с младших курсов – развитию обобщенных, интегрированных знаний и аналитико-синтетических умений, от которых напрямую зависит смысл и результат профессиональной деятельности будущего словесника в школе.

Литература

1. Анисимов, В. И. Интегративные основы моделирования содержания литературного образования в педагогическом вузе / В. И. Анисимов. – Минск: НИО, 1999. – 240 с.
2. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб: «Златоуст», 1999. – 368 с.
3. Анталогія даўняй беларускай літаратуры XI – першай паловы XVII ст. / НАН Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., дапр. – Мінск: Беларуская навука, 2005. – 1015 с.
4. Слово о полку Игореве / Вступит. ст., ред. текста, досл. и объяснит. пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева; грав. В. А. Фаворского и М. И. Пикова. – М.: Дет. лит., 1986. – 221 с.
5. Днепров, В. Д. Проблемы реализма / В. Д. Днепров. – М.: Советский писатель, 1961. – 240 с.
6. Древняя русская литература: хрестоматия / сост. Н.И. Прокофьев. – 2-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1988. – 429 с.